

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ СПЕКТАКЛЯ

Проблемы нашего театра

В ПОСЛЕДНИЕ годы московские театры часто восстанавливают свои прежние спектакли. Явление вполне естественное. Но, возвращаясь к старым работам, современный художник должен отчетливо представлять себе, во имя чего он это делает.

Третий раз вахтанговцы возобновляют «Принцессу Турандот». Известно, какое значение имел этот спектакль для Театра имени Евг. Вахтангова. Успех «Турандот» в 1922 году объясняли тем, что режиссеру, художнику, композитору и актерам удалось «угадать гармонию», иначе говоря, найти сценическое решение пьесы, наиболее соответствующее духу времени; подобрать актеров, которые смогли бы правильно понять автора и режиссера.

Второе рождение спектакля сами вахтанговцы считали неудачей. Третий же вариант уже несколько лет идет с аншлагами. Но радости, той самой, из-за которой в 1922 году не хотелось пропустить ни одного представления, нынешняя «Принцесса Турандот» не доставляет. В чем же здесь дело? Оказывается, в «гармонии», которую на этот раз «угадать», как мне думается, не удалось.

Положив в основу спектакля все ту же импровизацию, сохранив условности оформления, театр незаметно для себя стилизовал и то, и другое. Даже знаменитая вахтанговская театральность оказалась стилизованной в этом спектакле.

СПУТНИКИ в Театре имени Ермоловой, «Бронепоезд 14-69» и «Платон Кречет» во МХАТе, «Так и будет» в Театре имени Ленинского комсомола, «Любовь Яровая» в Малом театре, «Тени» в Театре имени

Пушкина — все они пользовались в свое время заслуженным успехом.

Шли годы. Выросло новое поколение актеров и зрителей. И руководители театров решили вернуться к прежним удачным работам. Но, к сожалению, ни один из этих спектаклей не стал событием: 10, 20, 30 представлений... и все.

Почему же так кратковременна их новая жизнь? Да потому, что не угадана «гармония». Полагаясь на былой успех, театры не доставили себе труда взглянуть на свои прежние работы глазами современников. Одни занялись реставрацией и гальванизацией старых спектаклей, другие из кожи лезли вон, чтобы новые спектакли не были похожи на прежние, а результат — один и тот же. Несмотря на все усилия, работы эти, не прожив и двух лет, отправляются в вечность...

ВОЗОБНОВЛЯЯ спектакль, театр обычно указывает на афише фамилию первого постановщика, считая это, видимо, за благо. Но кто может положить руку на сердце с уверенностью сказать, что Вл. И. Немирович-Данченко подписал бы сейчас афишу «Трех сестер»? И не потому, что нынешний спектакль похож или не похож на прежний. Просто сегодня сам Немирович-Данченко, очевидно, по-другому прочел бы эту пьесу. Новые исполнители, новое время обязательно вносят свои коррективы в любое классическое произведение. И в 1940 году Немирович-Данченко не восстанавливал спектакль 1901 года, а ставил «Три сестры» заново.

Или разве можно было судить о режиссуре Вс. Мейерхольда по «Мандату» в Студии киноактера?

— Что же вы предлагаете? — слышу я голос оппонентов. — Совсем не возвращаться к прошлым работам?!

Напротив, обязательно возвращаться, но только при условии, что это будет новым, действительно современным прочтением пьесы.

ЦТСА недавно восстановил одну из лучших работ А. Д. Попова «Укрощение строптивой». Еще при жизни постановщика спектакль возобновляли несколько раз, вводили новых исполнителей, но он всегда шел на Большой сцене. Сейчас театр решил перенести спектакль на Малую сцену.

Возобновление прошло тихо и скромно. Сначала спектакль играли один-два раза в месяц. Зато сейчас его показывают по пять-шесть раз. И это не случайно, потому что перенос спектакля на Малую сцену оказался не механическим актом, а творческим.

Большинство нынешних исполнителей выступало еще при жизни А. Д. Попова. Спектакль смотрится сейчас «крупным планом». Актерские удачи стали заметнее. А. Попов и Л. Касаткина, В. Благообразов и Ф. Чеханков, А. Ходурский и М. Перцовский... Они играют с таким удовольствием, с такой отдачей, что самый хмурый зритель поневоле начинает улыбаться.

Сегодня еще отчетливее звучит идея равноправия, доказанная с помощью шуток и смеха, как это и должно быть в комедии. Любовь и разум приходят на помощь укротителю строптивой. Буйство и радость жизни, восприятие Шекспиром и Поповым, и прежде жили на сцене. Но сегодня они словно бы переключались по эту сторону рампы. Таковы приметы времени.

мени, в которых театр «угадал гармонию»...

Театр взял все лучшее от прежнего спектакля. Но и многое привнес в него. Театральность и праздничность в своих лучших проявлениях живут в этом спектакле сегодня, переполняя его до краев. Театр пошел на незначительные кушоры во имя главного. От этого напряженнее стали ритмы.

Вряд ли зрители этого спектакля, покупая билеты, знают историю его создания. Да и так ли это для них важно? Зато, покидая театр, они уносят чувство признательности тем, кто сегодня доставил им столько радости. Конечно, первый поклон А. Д. Попову, постановщику спектакля, и Н. А. Шифрину, удивительно его оформившему. Это они создали один из лучших шекспировских спектаклей на советской сцене.

Но мы обязаны сегодня выразить свою признательность и режиссеру В. С. Благообразову, и художнику А. Н. Кидайло, усилиями которых «Укрощение строптивой» из странички истории снова оказалось достоянием современности. Это они возобновили спектакль.

ПРИМЕР ЦТСА — не единственный. У нас много говорилось о новой редакции «Маскарада» у Ю. А. Завдского. Мне бы хотелось добавить только, что Э. Ковенская — баронесса Штраль, кажется, впервые в истории лажментовской драмы решает арбенинскую тему, отчего ее героиня неожиданно становится в один ряд с Чацким, Онегиным, Печориным. Только благодаря такой трактовке оказывается оправданной фраза, которая обычно пропала, — о бегстве баронессы.

В третий раз «Современник» возвращается к «Вечко живым», хотя театру отроду всего восемь лет. И каждый раз это не просто вводы, но наиболее современное прочтение пьесы В. Розова. Постепенно эта пьеса «про войну» стала серьезным и бескомпромиссным разговором театра с живыми от имени павших. Вот почему не Вероника, а Федор Бороздин оказался главным героем в этом страстном диалоге о смысле человеческого бытия.

И ТАК, как видите, второе рождение спектакля — процесс творческий и сложный, требующий четкого представления о том, во имя чего современный театр считает необходимым вернуться сегодня к прочитанным страницам своей истории. «Угадать гармонию» — значит отчетливо понять, почему сегодня в этом театре ставится «Макбет», а не «Король Лир» Шекспира, «Бесприданница», а не «Гроза» Островского. Мысль автора, жившего в любую эпоху, оплодотворенная замыслом современных художников, — вот залог того, что гармония будет угадана.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.

Вечерняя Москва 1965, 18 марта

108